

0-794534

На правах рукописи

Боровкова Татьяна Юрьевна

**Философско-религиозные искания в поэзии Эмили
Дикинсон**

**Специальность 10.01.03 – литература народов стран зарубежья
(литература стран германской и романской языковых семей)**

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Воронеж – 2012

Работа выполнена на кафедре зарубежной литературы ФГБОУ ВПО
«Воронежский государственный университет»

Научный руководитель: кандидат филологических наук, доцент
Савченко Алла Леонидовна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Несмелова Ольга Олеговна

кандидат филологических наук, доцент
Кузнецова Лариса Евгеньевна

Ведущая организация: Кубанский государственный университет

Защита состоится 29 февраля 2012 г., в 15 часов на заседании
диссертационного совета Д 212.038.142 в Воронежском государственном
университете по адресу: 394000, г. Воронеж, пл. Ленина, д. 10, ауд. 18

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Воронежского
государственного университета

Автореферат разослан «*24*» января 2012 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КФУ

0000793118

Ученый секретарь
диссертационного совета

О. А. Бердникова

Общая характеристика работы

На небосклоне мировой литературы трудно найти звезду более яркую и, вместе с тем, более загадочную, чем американская поэтесса XIX века Эмили Дикинсон (1830–1886). Несмотря на столетие кропотливой – сначала «скачкообразной», а в последние десятилетия почти непрерывающейся – работы множества биографов и исследователей во всем мире, мы до сих пор удивительно мало знаем о ее жизни и творчестве. Справедливости ради нужно отметить, что столь ограниченному количеству сколько-нибудь достоверных фактов в немалой степени поспособствовала сама поэтесса, проведшая долгие годы в едва ли не полном уединении и написавшая однажды, что «Душа изберет сама свое Общество – // И замкнет затвор» (303¹, перевод В. Марковой).

Сегодня судить о жизни духа, скрывавшегося за однообразным, почти бессобытийным существованием, можно по обширному поэтическому и эпистолярному наследию, составляющему 1775 стихотворений и более тысячи писем. Глобальность затронутых в них вопросов поражает; в одном из стихотворений (352) Э. Дикинсон, со свойственным ей сочетанием наивности и вызывающе смелой парадоксальности, пишет: «My Basket holds – just – Firmaments – // Those – dangle easy – on my arm, // But smaller bundles – Cram» (В моей Корзинке – лишь – Небеса – // Их – мне легко нести – в руках – // А груз поменьше – чересчур тяжел.²)

Несмотря на «вечные» темы ее творений, при жизни было анонимно опубликовано лишь около десяти стихов Э. Дикинсон, причем некоторые из них – вопреки желанию автора и со значительными, искажающими смысл и стиль корректировками. Однако вряд ли можно говорить о полном безразличии Э. Дикинсон, да и вообще какого бы то ни было поэта или писателя, к потенциальной читательской аудитории. Как основной способ «публикации» своих произведений поэтесса воспринимала переписку. Порядка шестисот ее стихотворений были разосланы в письмах друзьям и знакомым.

Так, когда в апреле 1862 года в уважаемом литературном журнале *Atlantic Monthly* появилась статья под названием «*Letter to a Young Contributor*», в которой Томас Уэнтворт Хиггинсон – известный в Новой Англии того времени литератор – обращался к молодым писателям и поэтам с наставлениями и призывом присылать свои литературные опыты, тридцатидвухлетняя Э. Дикинсон вскоре отправила ему письмо: четыре стихотворения и просьбу сказать, «дышат ли они» (L 260³).

¹ Здесь и далее тексты стихотворений приводятся (с соблюдением нумерации) по изданию *The complete poems of Emily Dickinson* / [Ed. Johnson, Thomas H.]. – Boston : Little, Brown and Company, 1960. – 770 p.

² Здесь и далее, если не указано иначе, подстрочный перевод стихотворений и писем мой. – Т.Б.

³ Здесь и далее нумерация писем приводится (после префикса «L») по изданию *The letters of Emily Dickinson* / [Ed. Johnson, Thomas H.; Ward, Theodora]. – Cambridge, Mass. : The Belknap Press of Harvard University Press, 1958. – 3 vols.

Впоследствии Т. У. Хиггинсон писал, что сразу увидел в тех стихах «абсолютно новый, оригинальный поэтический гений»⁴. Тем не менее, изначально его суждением, которое он выразил в ответном послании, была осторожная похвала оригинальной мысли и достаточно резкая критика формы: слабых рифм, «рваного» ритма, стилистических и пунктуационных «ошибок». Поэтесса же, почти неизменно подписывая свои письма «Your Scholar», всегда горячо благодарила за «хирургию» и... ничего не меняла в своей поэтической манере. Когда Т. У. Хиггинсон, прочтя стихи, посоветовал Э. Дикинсон «повременить с публикацией», поэтесса ответила, что мысль о ней чужда ей «как небесная твердь – плавнику»⁵. Впоследствии в одном из своих лирических произведений Э. Дикинсон напишет о публикации как об аукционе, «продаже сердца и ума», унижающей дух человека ценой: «Publication – is the Auction // Of the Mind of Man –» (709).

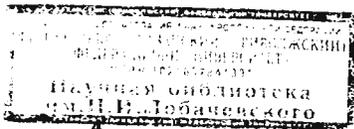
С тех пор, как вскоре после смерти поэтессы стали появляться первые публикации ее стихов (по словам биографа Р. Сьюэлла, «порционные и непрофессионально отредактированные»⁶), восприятие «феномена Э. Дикинсон» постоянно менялось, что в значительной мере было связано с эволюцией фокуса биографических и иных научных работ. Странная отшельница («the nun of Amherst»), несчастная жертва безответной любви, пылкая бунтарка-феминистка – все это «лица», открывавшиеся усилиями редакторов и исследователей недоумевающей читательской аудитории.

Конечно, было издано и немало стремящихся к объективности литературоведческих и критических трудов биографического («Emily Dickinson: an interpretive biography» Т. Джонсона (1955), «The years and hours of Emily Dickinson» Дж. Лейды (1960), «The life of Emily Dickinson» Р. Сьюэлла (1974)) и текстологического («Choosing not choosing: Dickinson's fascicles» Ш. Кэмерон (1992), «Rowing in Eden: rereading Emily Dickinson» М. Н. Смит (1992)) толка, развенчивающих сложившиеся ранее мифы. Интерес исследователей не ограничивался личностью Э. Дикинсон: многие работы анализируют собственно ее творчество. Некоторые из них (например, «Thematic Patterns Of Emily Dickinson's Poetry» Н. Тандон и А. Треведи (2008)) носят общоописательный характер, другие – напротив, концентрируются на частных, специфических аспектах лирики поэтессы («The Gardens of Emily Dickinson» Дж. Фарр и Л. Картер (2004), «Emily Dickinson, Accidental Buddhist» Р. Аллена (2007) и др.) Зарубежными учеными Ч. Андерсоном, Дж. Л. Кэппсом, Р. Паттерсоном, Р. Сьюэллом и др. также достаточно подробно изучен вопрос о литературно-философском влиянии на Э. Дикинсон ее предшественников и современников.

⁴ Higginson Th. W. Emily Dickinson's Letters / Th. W. Higginson // The Atlantic. – 1891. – October. – URL: <http://www.theatlantic.com/unbound/poetry/emilyd/cdletter.htm> (accessed 10 July 2010).

⁵ Дикинсон Э. «Что за риск – письмо!» : (Письма к Т. У. Хиггинсону) / Э. Дикинсон ; Вступ. ст., коммент. и пер. с англ. А. Гаврилова // Вопросы литературы. – 1990. – №7. – С. 210.

⁶ Sewall R. The life of Emily Dickinson. / R. Sewall. – Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 2003. – P. 234.

В России до 70х гг. XX столетия произведения Э. Дикинсон были практически не представлены (за исключением нескольких стихов, переведенных М. Зенкевичем и И. Кашкиным). Лишь с 1976 г., когда был выпущен 119-й том «Библиотеки всемирной литературы» с переводами 218 стихотворений Э. Дикинсон, выполненными В. Марковой, началась истинная популярность творчества поэтессы в России. Дальнейшее знакомство русскоязычных читателей с Э. Дикинсон обеспечили переводчики А. Гаврилов, Т. Стамова, А. Величанский, А. Кудрявицкий, О. Седакова, Г. Кружков, С. Рабинович и др. Параллельно с переводами, в виде журнальных публикаций или предисловий к сборникам стихов выходят и первые отечественные научно-критические статьи (В. Марковой, Э. Ф. Осиповой, Т. Венедиктовой, С. Д. Павлычко) о творчестве Э. Дикинсон. В последние десять лет появилось несколько диссертационных исследований, анализирующих различные аспекты наследия поэтессы.

Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что самобытность Э. Дикинсон заставляет интерпретировать ее творчество как уникальное явление в американской поэзии, а ее искания в области философии, философии природы и религии, а также толкование темы смерти и бессмертия открывают все новые горизонты для понимания ее поэзии.

Научная новизна диссертации заключается в том, что в ней выявлена основная доминанта мировоззрения Э. Дикинсон, определяемая как сомнение, и осуществлен системный анализ ее поэзии с учетом отличительных особенностей философско-религиозных исканий поэтессы. Впервые предлагается классификация создаваемых поэтессой образов и акцентируется их неоднозначность и противоречивость.

Объектом исследования является литературное наследие Э. Дикинсон в аспекте специфики ее мировоззрения, **предметом** – философско-религиозные искания Э. Дикинсон, отраженные в ее стихотворениях и письмах.

Материалом для настоящей работы послужили оригиналы и переводы стихотворений Э. Дикинсон, отобранные путем анализа всего корпуса ее лирики по принципу наибольшей репрезентативности в рамках исследуемых тем творчества поэтессы; а также оригиналы и переводы ее эпистолярных произведений. Многие из исследуемых стихотворений анализируются впервые.

Теоретической и методологической основой исследования явились классические труды Ю. М. Лотмана, М. Л. Гаспарова, В. М. Жирмунского, Е. Г. Эткинды, В. Е. Хализева, В. В. Виноградова, а также работы А. А. Ричардса, У. Эмпсона, К. Брукса, В. Изера, Г. Лансона, П. Кэйн и др. При работе над диссертацией использовались биографический, историко-литературный, сравнительно-исторический методы, а также метод «пристального чтения» (close reading).

Цель исследования заключается в том, чтобы раскрыть своеобразие религиозно-философских исканий Э. Дикинсон.

Вышеобозначенная цель предполагает решение следующих задач:

- выделить основные темы творчества Э. Дикинсон, демонстрирующие особенности ее философских взглядов;
- выявить причины, обуславливающие важность этих тем для поэтессы;
- проследить трактовку этих тем в стихотворениях и письмах Э. Дикинсон, уделяя особое внимание двойственности авторской позиции и дисгармоничности образов;
- установить связи между выделенными темами, воссоздавая картину философско-религиозных исканий поэтессы.

Научно-практическая значимость данного исследования состоит в возможности использования его материалов и результатов для разработки или расширения общих курсов по зарубежной литературе XIX века, спецкурсов по американской литературе в целом и американской поэзии в частности, а также для дальнейшего изучения творчества Э. Дикинсон и поэтов, испытавших ее влияние.

Положения, выносимые на защиту:

1. Творческое наследие Эмили Дикинсон представляет собой самобытное явление в американской литературе. Отчасти следуя традициям своей эпохи, поэтесса в значительной степени модифицировала их, порой даже восставая против общепринятых литературных норм и «опрокидывая» устоявшиеся каноны.

2. Философско-религиозные искания Эмили Дикинсон находят свое отражение в стихотворениях, посвященных теме природы, религии и веры, смерти и бессмертия.

3. Доминантой в мировосприятии Эмили Дикинсон и его отражении в ее лирических произведениях является сомнение: для поэтессы нет ничего аксиоматичного; более того, она и не стремится доказать состоятельность какого бы то ни было из современных ей философских или религиозных учений. Противоречия не воспринимаются поэтессой как нечто нежелательное, а напротив – являются неизбежным условием познания окружающей действительности.

4. В сознании Э. Дикинсон ничто не является истинным по умолчанию. Для того чтобы считаться сколько-нибудь очевидным, каждому феномену требуются доказательства и подтверждения (зачастую - научные) его существования.

5. Природа видится Э. Дикинсон, с одной стороны, как нечто близкое человеку и даже родственное ему, а с другой – как вечная загадка, неподвластная человеческому разуму. Кроме того, «всеобщий мировой закон», единый для всех явлений природы, далеко не всегда воспринимается поэтессой как справедливый, а божественная сущность природы, утверждаемая в ряде стихотворений как данность, порой ставится под сомнение.

6. Духовные поиски Э. Дикинсон происходили на фоне господствовавшей кальвинистской традиции, и хотя последняя бесспорно оказала значительное влияние на мировоззрение Э. Дикинсон, бунт поэтессы против устоявшихся догм привел к крайне неоднозначному толкованию ею вопросов религии и веры. В этой сфере для Э. Дикинсон нет непререкаемых авторитетов: она одновременно тянется к Богу и критикует его, жаждет утешения в молитве и сетует на ее тщетность, заимствует сюжеты из Библии и сомневается в правдивости Писания.

7. Вследствие ряда факторов, касающихся личной жизни поэтессы и современной ей историко-культурной среды, излюбленным объектом философских поисков Э. Дикинсон является смерть. Вероятность того, что смерть – это абсолютный конец человеческого существования, страшит поэтессу, однако смерть одновременно и манит своей неизведанностью и таинственностью. Образы смерти в лирических произведениях Э. Дикинсон необычайно разнообразны: это и Проводник, сопровождающий душу в мир иной, и Демократ, уравнивающий всех людей, и Элитист, несущий своим «избранникам» величие. Надеясь на бессмертие, поэтесса, тем не менее, не уверена в нем, что не дает возможности сделать однозначный вывод о смысле или бессмысленности земного существования.

Апробация материалов диссертационной работы осуществлялась на следующих региональных и международных конференциях: «Культура общения и ее формирование» (г. Воронеж, 2009), Эйхенбаумовские чтения (г. Воронеж, 2010), XXII и XXIII Пуришевские чтения (г. Москва, 2010 и 2011 гг. соответственно), XXXVI конференция Общества по изучению культуры США «Природа и культура: американский опыт сосуществования» (г. Москва, 2010), XL Международная филологическая конференция (Санкт-Петербург, 2011), а также на аспирантских семинарах, проводимых кафедрой зарубежной литературы ВГУ (2007–2011 гг.) и конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов и докторантов ВГУ по итогам научно-исследовательской работы (Воронеж, 2011). Результаты исследования нашли отражение в восьми опубликованных статьях.

Диссертация состоит из введения, 3-х глав, заключения и списка литературы, содержащего 305 наименований на английском и русском языках.

Основное содержание работы

Во **Введении** обосновывается научная новизна, актуальность, теоретическая и практическая значимость работы, формулируются цели и задачи, определяются объект, предмет и методологическая основа исследования. Кроме того, дается обзор существующих в зарубежном и отечественном литературоведении трудов, посвященных жизни и творчеству Эмили Дикинсон, а также затрагивается вопрос о жанровой классификации произведений поэтессы.

Глава 1. «Философия природы в лирике Э. Дикинсон»

Тема природы является одной из центральных в творчестве поэтессы. Известно, что общение с людьми для Э. Дикинсон было приемлемо лишь в опосредованном виде почтовой корреспонденции, и только с природой она могла «общаться» напрямую. Тем не менее, результаты многолетних попыток Э. Дикинсон осмыслить природу нельзя назвать однозначными.

Данная глава разделена на пять параграфов, обращающихся к образам природы, создаваемым Э. Дикинсон.

1.1 «Природа как явление, родственное человеку»

Исследование показало, что в лирике Э. Дикинсон природа зачастую изображается близкой человеку некоторыми своими внешними чертами и внутренними характеристиками. Следуя за Р. У. Эмерсоном, писавшим, что «природа в такой мере наполнена человеческой жизнью, что нечто человеческое есть и во всем вместе и в каждой частности»⁷, поэтесса порой воспринимает природу как живой организм: «The name – of it – is «Autumn» – // The hue – of it – is Blood – // An Artery – upon the Hill – // A Vein – along the Road –» (656).

Нередко Э. Дикинсон словно низводит природу до уровня простых смертных, обращая внимание на ее отрицательные качества: «Nature, like Us is sometimes caught // Without her Diadem» (1075). Интересно заметить, что выбираемые поэтессой эпитеты часто многозначны, и их денотативные и коннотативные компоненты необычно переплетаются (что, увы, почти неизбежно утрачивается в переводах таких стихотворений на русский язык). Например, небо описывается прилагательным «low», которое, помимо очевидного значения «низкий», определяется в словаре Вебстера как «depressed», «mean», «dishonorable».

Может показаться, что, обращаясь к сходствам человека и природы, поэтесса концентрируется лишь на их отрицательных аспектах, демонстрируя тем самым превосходство природы. Это не всегда верно. Так, можно привести строки первого стихотворения, написанного девятнадцатилетней Э. Дикинсон, в котором она, хотя и в полушутливом тоне, говорит о любви, пронизывающей все сущее на Земле: «The bee doth court the flower, the flower his suit receives, // And they make merry wedding, whose guests are hundred leaves» (1).

Природа, как любящая мать, являет собой воплощение благосклонной, великодушной власти. Примечательно однако, что поэтесса обращает внимание на превосходство природы над обычной женщиной. Во-первых, Природа терпелива с каждым из своих творений, независимо от их поведения; все они одинаково важны для нее. Кроме того, несмотря на мягкость и кротость природы-матери, ее «дети» беспрекословно повинуются ей: так, в стихотворении 790 описывается, как она с легкостью успокаивает непослушную белку, а стоит ей приложить палец к губам – повсюду воцаряется тишина.

⁷ Эмерсон Р. У. Природа / Р. У. Эмерсон // Эстетика американского романтизма. – М., 1977. – С. 214.

Все вышеобозначенные сходства мира людей и мира природы не могли не привести – в сознании Э. Дикинсон – к некоей общности этих миров. Поэтесса часто говорит о своем сближении с миром животных и растений, причем анализ ее лирики показал, что почти все подобные стихотворения написаны от первого лица. Это представляется вполне естественным, ведь именно одиночество считалось трансценденталистами необходимым условием для истинного познания бытия. Эмерсон говорил, что человек может сам, доверившись лишь собственному сердцу, почувствовать в себе высшее начало, и для этого необходимо уединение на лоне прекрасной природы. Поэт, с точки зрения трансценденталистов, ближе всего подходит к пониманию Природы. «Если он [поэт] чувствует вдохновение, его должен внушить воздух, а от глотка воды должна кружиться его голова», – пишет Эмерсон⁸. «Inebriate of Air – am I // And Debauchee of Dew –» («Я воздухом опьянена – // Оглушена росой»), – откликается Дикинсон в шутивном стихотворении, в котором пчела (метафорический образ самой поэтессы), опьяненная величием мира, опирается о солнце, чтобы не упасть (214).

Немаловажно и то, что во многих стихотворениях поэтессой приводятся различного рода доказательства существования кажущихся очевидными явлений: например, «поручителями» (в тексте стихотворения использован юридический термин «sureties») у Природы выступают восход солнца и звезда (1077). Похоже, ни одно утверждение поэтессы не считает аксиоматичным при отсутствии каких-либо свидетельств, подтверждающих его истинность, и даже когда такие аргументы приведены – зерно сомнения все же остается в душе автора, и в другом стихотворении она вполне может исследовать и альтернативную позицию, словно справедливый судья, выслушивающий обе стороны на заседании, чтобы принять верное решение.

Так происходит и с уже, казалось бы, доказанным родством человеческого и природного миров: поэтесса вовсе не демонстрирует уверенность в способности человека познать природу.

1.2 Природа как вечная загадка

Э. Дикинсон почти никогда не рассматривает мир как открытую книгу, доступную для понимания всем желающим. Даже если предположить возможность *некоторого* сближения с природой, полного единения с ней достичь невозможно. Порой создается впечатление, что природа для Э. Дикинсон вообще не поддается осмыслению.

Даже естественный для природы процесс обновления вызывает у человека изумление и недоумение: «So from Cocoon // Many a Worm // Leap so Highland gay, // Peasants like me, // Peasants like Thee // Gaze perplexedly!» (66) Тот факт, что поэтесса называет себя и читателя «крестьянами», да еще и выделяет это слово курсивом, на наш взгляд свидетельствует о том, как люди далеки от тайн, тщательно хранимых «знатью». Показательно, однако, что в роли этой «знати» выступают самые незаметные для человека представители

⁸ Эмерсон Р. У. Поэт / Р. У. Эмерсон // Эстетика американского романтизма. – М., 1977. – С. 319.

природного мира: луковица цветка и червяк, чудесным (по мнению людей) образом превращающийся в бабочку. Такое сопоставление ставит человека едва ли не на самую нижнюю ступень в познании мира.

Но почему люди так далеки от понимания тайн мироздания, если человека и природу многое роднит? Однозначного ответа на этот вопрос Э. Дикинсон не дает. Порой создается впечатление, что природа намеренно скрывает от человека все грани своей сущности. Иногда поэтесса винит человека в том, что тот не может понять истинной сути природы, ибо он оценивает лишь внешние, бросающиеся в глаза черты, не учитывая того, что скрыто за внешней оболочкой. Возможно, именно поэтому стихи Э. Дикинсон так часто обращены не к чему-то глобальному и производящему очевидное впечатление, а к самым маленьким, незначительным природным явлениям: пчеле, бабочке, цветку, листочку. Именно в них, быть может, заключена истинная квинтэссенция мироздания, которую можно вычленишь путем пристального наблюдения.

Другая точка зрения о многогранности природного мира и причинах его таинственности высказывается ею в стихотворении 668, являющем собой одно из глубочайших образцов осмысления природы в лирике Э. Дикинсон. В нем поэтесса утверждает, что мы знаем (!) природу, но это знание не *осознается* нами и не может быть выражено словами, то есть способность к познанию окружающего мира изначально заложена в каждом человеке, но то, какими мерками он пытается «измерить» природу, становится препятствием на его пути к верному восприятию Природы и единению с ней. Очевидно, дело не в том, что у человека нет врожденной способности к пониманию мира, а в том, что у него не хватает «умения», «практики» выражения этого понимания.

1.3 Природа как воплощение божественного начала

Тесную связь и даже отождествление Бога и природы мы находим в целом ряде стихотворений Эмили Дикинсон. Описывая самые обыденные, повседневные вещи (то, как на небе появляются звезды, луна), Э. Дикинсон обращает внимание на устройство мироздания и систему организации Вселенной. Здесь все продумано Господом и происходит согласно установленному порядку: «All of Evening softly lit // As an Astral Hall – // Father, I observed to Heaven, // You are punctual» (1672).

Тем не менее, Э. Дикинсон далеко не всегда уверенно говорит о божественной сущности природы, по крайней мере, такая сущность не всегда кажется ей очевидной. Наиболее показательным в этом отношении одно из ранних ее стихотворений (128). С удивительным для нее максимализмом и даже многословием в первых двух строфах поэтесса буквально «засыпает» своего воображаемого собеседника вопросами: ей хочется узнать все, получить ответы на все вопросы, все рассчитать и измерить: сколько заката поместится в чашку, сколько росы выпадает по утрам, сколько нот в песне малиновки... Множество вопросов, а ответа Э. Дикинсон не дает. Можно считать, что ответ – Бог, однако это – лишь предположение. Поэтесса снова и снова акцентирует таинственность природы, ее неясность для человеческого

разума, который, хотя и способен постичь многое, поставлен в тупик вечными вопросами о происхождении всего сущего.

Таким образом, вопрос о божественной сущности природы в лирике Э. Дикинсон не решается однозначно, и хотя нельзя сказать, что в каких-либо стихотворениях она полностью отрицается, некий элемент сомнения, безусловно, присутствует, не давая возможности полностью оптимистичного толкования.

1.4 Природа – идеальная система?

Еще один неизменный принцип, проходящий через все творчество Э. Дикинсон, – восхищение «всесильной простотой» природы. В ней все, вплоть до крошечного «камешка в пыли, бредущего в пыли по лицу земли» (1510), упорядочено, взаимосвязано и взаимозависимо, подчинено «всеобщему мировому закону». Поясним, однако, что эта «простота» обманчива, ибо она непостижима человеческим разумом. Тем не менее, именно в этой «сложной простоте» и состоит основной принцип мироздания: все в природе близко человеку – и в то же время неясно для него; в ней царит простота – но построена она на поражающих своим многообразием и сложностью (как ни парадоксально это звучит) взаимосвязях и взаимозависимостях.

Часто создается впечатление, что, по мнению Э. Дикинсон, все в природе гармонично и даже совершенно. То, что кажется повседневным, приобретает в стихотворениях поэтессы особый смысл и значимость. Для нее одна ветка сирени сопоставима со всей Вселенной: «Of one Corolla is the West – // The Calyx is the Earth – // The Capsules burnished Seeds the Stars» (1241).

Однако подобная гармония демонстрируется далеко не всегда. В целом ряде стихотворений поэтессы указывает на отрицательные аспекты природы, ставя под сомнение справедливость ее организации. Так, в одном из лирических произведений, мороз, «случайно» получивший власть, убивает цветок, даже не замечая этого, причем, как специально отмечает поэтессы, с молчаливого «попустительства» Бога. Такие «преступления» совершают в стихотворениях Э. Дикинсон не только очевидные «злодеи» (зима, мороз), но и те природные явления, которые обычно представляются символами добра. Например, в раннем стихотворении «I never told the buried gold» (11) поэтессы описывает солнце как пирата, склоняющегося над награбленным золотом во время заката. Как видно, справедливость мироустройства не воспринимается ею как объективная данность.

1.5 Природа как символ вечного обновления

Часто в своих стихотворениях Э. Дикинсон пишет о переменах, свидетельствующих о непоколебимости мирового порядка. Поэтессы постоянно рисует контраст между скоротечностью жизни человека и бесконечностью цикла смены времен года. Кстати, Э. Дикинсон нередко говорит о «пунктуальности» природных явлений. Это и «пунктуальные пальцы» мороза (163), и пунктуальные звезды (585), и земляника (1332), и малиновка (1483), и, наконец, сам Бог: «Father, I observed to Heaven, // You are

punctual» (1672). Все это, очевидно, свидетельствует о том самом незыблемом «мировом законе».

С одной стороны, природный круговорот – это фон для осознания хода человеческой жизни. Например, весна символизирует пробуждение для жизни после смерти. Кстати, зима вообще является для Э. Дикинсон символом смерти, неизбежного конца. Возможно, поэтому пейзажная лирика о зиме – сравнительно редкое явление в ее поэтическом творчестве. Предположительно, дело здесь, скорее, не в невнимательности, а в сознательном игнорировании, что, в свою очередь, может свидетельствовать о стремлении поэтессы к вере в жизнь после смерти.

Противопоставляя вечный круговорот природных явлений и скоротечную жизнь человека, поэтесса, однако, не говорит о бессмысленности последней. Человек для нее – не пассивный объект, а скорее субъект, активный деятель, который может внести свою лепту в устройство мироздания, хотя его способность воздействовать на мир ограничена пределами его собственной веры. Заметим, что лирическая героиня Э. Дикинсон иногда словно упрекает саму себя в недостаточной силе веры, но способна ли она верить сильнее? Вероятно, нет, и в этом сомнении – и сила человека, и его слабость.

Глава 2. Религиозные поиски и вопросы веры в творчестве Э. Дикинсон

Анализируя поэтическое наследие Э. Дикинсон и посвященные ему критические работы, трудно найти тему более многогранную и противоречивую, чем отношение поэтессы к религии, Богу, церкви. По словам исследователя Д. Донохью, «о ее религиозной вере можно сказать практически что угодно. Ее можно представить агностиком, еретиком, скептиком, христианкой»⁹. Сама же Э. Дикинсон не стремилась хотя бы сколько-нибудь категоризировать свою веру. В одном из писем она заявила, что «не уважает доктрин» (L 200), а потому в данной части исследования мы сочли возможным сосредоточить свое внимание не на попытках определить «русло» исканий поэтессы (то есть отнести высказываемые ею идеи к тому или иному течению или их сочетанию), а собственно на самих исканиях; на движении поэтической мысли по своеобразной «шкале» от безусловной веры, через недоверие, к неверию – и обратно: «Sweet Scepticism of the Heart – // That knows – and does not know –» (О как сладка Ирония Души – // Когда Душа то верит – то не верит (1413, перевод С. Рабинович)).

2.1 «Духовная эквилибристика»: истоки

«<...> that religion / That doubts as fervently as it believes» («<...> та религия / Что сомневается так же горячо, как и верит») – эти строки стихотворения 1144, на наш взгляд, как нельзя лучше описывают воззрения

⁹ Цит. по: Ladin J. Meeting her Maker: Emily Dickinson's God / J. Ladin // Emily Dickinson (Bloom's Modern Critical Views). – N.Y. : Chelsea House Publications, 2008. – P. 198.

Э. Дикинсон. Даже в пределах одного лирического произведения позиция поэтессы может восприниматься двояко.

Вероятно, настроения Э. Дикинсон продиктованы тем, что, как пишет биограф поэтессы С. Г. Вульф, «удаление от Бога было чертой всего поколения, феноменом все усиливающейся секуляризации Америки»¹⁰. Пошатнувшиеся вековые устои создавали ощущение неуверенности, потери основы бытия. Э. Дикинсон также совсем не убеждена в устойчивости веры, называя ее в одном из стихотворений (1551) латинским «ignis fatuus» – обманчивым огоньком, не дающим ни тепла, ни света (такой огонек возникает на болотистой местности, предположительно из-за самопроизвольных, кратковременных возгораний метана). Тем не менее, безверие представляется ей альтернативой гораздо менее привлекательной, ведущей к «измельчению» души.

Если абсолютное неверие – нечастый спутник поэтессы (даже ее последнее, написанное во время тяжелой болезни, незадолго до смерти, письмо Т. У. Хиггинсону с надеждой вопрошает «Жив ли еще Бог? Друг мой – дышит ли Он?» (L 1045)), то неуверенность в том, что по умолчанию считалось аксиоматично-истинным, сопутствует ей почти всегда. Так, в одном из ранних стихотворений (215), она наивно обращается к своему незримому собеседнику со словами: «You are sure there's such a person // As «a Father» – in the sky –», тем самым, кажется, ставя под сомнение само существование Бога или его сущность. Комментируя эти строки, американская исследовательница А. Барнстоун пишет, что «словно ребенок, указывающий на голого короля, безыскусный голос [лирической героини] в этом стихотворении утверждает, что общепринятые мнения условны и неверны»¹¹. Представляется, что речь здесь может идти скорее не о сомнении в существовании Бога, а об ином, нежели общепринятое, представлении о его функциях и степени участия в жизни людей. Иными словами, Э. Дикинсон верит, что Бог есть, но не уверена в том, можно ли говорить о нем как о заботливом «отце небесном».

Неоднозначность в толковании теистических вопросов берет начало из детства поэтессы. Общеизвестно, что Э. Дикинсон родилась и прожила всю жизнь в провинциальном Амхерсте, населенном набожными потомками пуритан-кальвинистов, где все было пропитано религиозным духом. Кальвинисты верили в верховную власть Бога и полную предопределенность жизни человека. Убежденность в столь абсолютном величии, вкупе с незнанием, почти неизбежно вызывала страх.

Когда пытливый детский ум сталкивался с окружающим Бога ореолом благоговейного страха, вера, основанная на доверии и «дружбе», становилась невозможной. Зачастую описания Бога в стихах Э. Дикинсон указывают на то, насколько мало о нем известно людям, причем это уже не та удивительная загадочность, которой в восприятии поэтессы наделена природа, а пугающая

¹⁰ Wolff C. G. *Emily Dickinson*. / C. G. Wolff. – Cambridge, Mass. : Da Capo Press, 1988. – P. 451.

¹¹ Barnstone, A. *Changing rapture: Emily Dickinson's poetic development*. – Lebanon, NH : UPNE, 2006. – P. 34.

своим отчужденным величием непостижимость. Кроме того, вина в этом возлагается не только на церковь, но и на самого Бога. Бог, как представляется поэтессе, прячет свою «великую жизнь» от ищущих взглядов «недостойных» людей, никогда не сближаясь с ними и не посвящая их в истинное положение дел. Итак, нам представляется, что именно стремление к осознанию всей сущности божественного, невозможное в той полноте, которой с детства жаждала поэтесса, легло в основу противоречивого восприятия Э. Дикинсон веры и религии.

2.2 Вера и поиск доказательств

В мировоззрении поэтессы в целом и толковании ею вопросов веры постоянно боролись – с переменным успехом – религиозное бунтарство и мощные цепи пуританского наследия. «I see – New Englandly –», – пишет она в одном из своих стихотворений (285). Именно так, отчасти по-новоанглийски, она всегда смотрела на мир, а пуританизм есть неотъемлемая составляющая культуры Новой Англии. Терзаемая внутренними противоречиями, Э. Дикинсон ищет – хотя зачастую так и не находит – ответы и однозначные решения. А. Кудрявицкий справедливо отметил, что Э. Дикинсон «страдала от своей неспособности полностью принять догматы веры»: «Христос взывает ко всем, все мои друзья ответили на зов, а я... я стою одна, упорная в бунте, и тянусь вверх весьма осторожно»¹².

Действительно, в процессе исследования мы выяснили, что вера в сознании поэтессы неразрывно связана с более приземленными аспектами: логикой, доказательствами, даже научными обоснованиями. Тем не менее, поэтесса не отказывает человеку в праве желать доказательств и искать их. Парадокс, однако, заключается в том, что такой поиск не должен «перевешивать» веру, ибо потеря последней влечет за собой катастрофические последствия для самого человека. Эта идея перекликается с широко известным высказыванием И. Канта «мне пришлось ограничить знание, чтобы освободить место вере» (хотя вряд ли Э. Дикинсон читала «Критику чистого разума», она, возможно, по словам Р. Лундина, «впитала уроки кантианства со страниц произведений Эмерсона и других трансценденталистов»¹³).

2.3 Пуританский канон: притяжение и отталкивание

Ничто, связанное с религией, не принималось Э. Дикинсон безоговорочно. Даже отношение поэтессы к церковным обрядам неоднозначно. Пуританизм близок ей своей аскетичной сдержанностью; тем не менее, Э. Дикинсон ищет еще дальше: идеальной «церковью» для нее является сад. Именно природа – это место, где можно в более свободной атмосфере обратиться к Богу. Тогда как набожные соседи слушали длинные проповеди священников в рукотворных храмах, для поэтессы хористами были птицы, куполом – кроны деревьев, а священником – сам Бог.

¹² Дикинсон Э. Лирика / Сост. А. Кудрявицкий. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – С. 8

¹³ There before us: religion, literature, and culture from Emerson to Wendell Berry / [Ed. Lundin, Roger]. – Grand Rapids, MI: W. B. Eerdmans, 2007. – P. 86

Полные иронии и бурного веселья строки – не редкость для Э. Дикинсон. Она словно подменяет ими скучные религиозные обряды, вдыхая в понятие традиционного богослужения совершенно новую жизнь. Ее частый помощник – певчая птица «Bobolink». Выбор этот неслучаен: интересно, что звуки пения этих птиц полны разнообразия, так что чудится сразу пение полудюжины певцов, тогда как поет всего один. Для Э. Дикинсон эта птичка – посланец Бога, но при этом – бунтарь и шалун, который, однако, несет не хаос, а напротив – создает прекрасную атмосферу подлинной радости и восторга (которых, по ее мнению, как раз не хватало чопорным пуританам).

Еще одним элементом традиционной религии, необычайно важным для поэтессы, была Библия, и это не удивительно: в жизни каждого верующего пуританина ее изучение и применение должны были занимать центральное место. Этим объясняется наличие огромного количества библейских аллюзий в текстах стихотворений и писем Э. Дикинсон, а также многочисленных произведений, берущих за основу библейские сюжеты. Тем не менее, многие идеи, почерпнутые из библейских текстов, казались Э. Дикинсон спорными и сомнительными, и она, конечно, не стеснялась высказывать эти сомнения в своих стихах. В целом можно признать, что сама по себе Библия не являлась для поэтессы абсолютным авторитетом. Более того, иногда Э. Дикинсон «переводит» ключевые понятия Священного Писания на более понятный, современный ей язык. Поэтесса мудро замечает, что Библия в ее классическом виде призвана скорее осуждать пороки, чем давать возможность духовного просвещения и внутреннего развития Души, и была бы интереснее, понятнее и ближе, если бы пользовалась иными методами. Кроме того, Э. Дикинсон ставит под сомнение реальное существование ряда фигурировавших в Библии фигур.

Нередко Э. Дикинсон выступала против доктрины об изначальной греховности человека, которая, как известно, для протестантизма в общем и кальвинизма в частности является одной из центральных: человек не может спастись собственными заслугами, и должен обратиться к вере. Для поэтессы же исповедь – бессмысленный ритуал, ибо человек рассматривает всю свою жизнь как преступление, не зная, в чем именно он виноват. В таком контексте мольбы о прощении не имеют для нее никакого значения.

Однако было бы чересчур категоричным заявлять, что любые молитвы для Э. Дикинсон – напрасны. «God it is said replies in Person // When the cry is meant», – с надеждой пишет она в одном из стихов (1152). Но чаще лирические произведения Э. Дикинсон об обращении к Богу проникнуты искренней горечью и отчаянием, в них нет ни следа от недавней игривой иронии или язвительного сарказма. Безразличие Создателя настолько болезненно, что лирическая героиня предпочла бы «счастливое» небытие осознанию собственной малозначимости. Не нашедшая отклика молитва, с одной стороны, позволяет в некоторой степени проникнуть в суть мироустройства и осознать роль Бога (а точнее – убедиться в его нежелании или неспособности отвечать на молитвы), а с другой – такое открытие сильно ранит и лишает

надежды. По словам исследовательницы Ш. Лейтер, «Эмили Дикинсон, похоже, горячо верила в самого Бога, но не в его милость»¹⁴.

Фигурой, снова и снова привлекавшей внимание Э. Дикинсон на протяжении всего ее творческого пути, был Иисус. Именно к нему она чаще всего обращается с просьбами о помощи. Христос был для Э. Дикинсон ближе, нежели сам Бог. Возможно, по ее мнению, Иисус способен лучше понять людские страдания потому, что страдал сам в своей земной жизни. В одном из писем поэтесса говорит: «Когда Иисус рассказывает нам о своем Отце, мы не доверяем ему. Когда он показывает нам свой Дом, мы отворачиваемся, но когда он признается нам, что «изведал Скорбь», мы слушаем, потому что Скорбь – и наш знакомый» (L932).

2.4 Бог-отец vs Бог-деспот: величие или тирания?

Поэтесса нередко обращается к Богу с иронично-насмешливыми просьбами, возражениями, критикой. Мы видим, что Божья воля для нее – вовсе не предписанное свыше абсолютное благо, и если это предписание не удовлетворяет ее потребностей – она отвергает его. Более того, Э. Дикинсон даже считает возможным предъявлять Богу свои требования; она не стесняется в выражениях и готова бросить Богу вызов. Иногда она даже намекает на превосходство людей над Богом, достигаемое благодаря их способности испытать всю полноту земной любви.

Бог в глазах Э. Дикинсон зачастую не наделен традиционными добродетелями: мудростью, справедливостью, добротой. Ему не чуждо ничто человеческое. Например, в одном из стихотворений (597) Бог даже предстает перед читателем в образе хулигана, стремящегося упрочить свой авторитет за счет тех, кто неспособен дать ему отпор.

Поэтесса часто обвиняет Бога в том, что он скупится на заслуженное поощрение или вознаграждение. Иногда Он изображается как официальное, процессуальное лицо; судья, принявший несправедливое решение. В таких стихах Э. Дикинсон бросает Богу неприкрыто-дерзкий вызов.

Поражает многообразие фраз, далеко не всегда почтительных, которые Э. Дикинсон использует, обращаясь к Богу. В одном из лирических произведений это – детское «Papa»; в другом стихотворении, попав в загробный мир, лирическая героиня вопрошает: «Necromancer! Landlord! Who are these below?» (115) Именно в Боге она видит «домовладельца», заведующего гостиницей в мире ином, и «некроманта» – чародея, способного поддерживать контакт с умершими.

В одном из ранних стихотворений (49) Э. Дикинсон предлагает свой, иронический аналог триединства: «Burglar! Banker – Father! // I am poor once more!» С одной стороны, Бог – грабитель, отбирающий жизни, и это существительное – «Burglar» – стоит первым в цепочке, отделенное от остальной части строки своим, отдельным восклицательным знаком, воплощая всю горечь и боль утраты. За этим следует «должность» банкира:

¹⁴ Leizer Sh. Critical companion to Emily Dickinson: a literary reference to her life and work / Sh. Leizer. – N.Y. : Facts on File, Inc., 2007. – P. 155.

предположительно, Бог воспринимается как воплощение «системы», обеспечивающей, с помощью своих «подчиненных» – ангелов – возмещение нанесенного «грабежом» ущерба. Об этом свидетельствует также употребление в тексте стиха экономических терминов: «reimburse» (возмещать); «store» (запас). Наконец, третий компонент – традиционный, и оттого, наверное, самый искренний, умоляюще-настойчивый: «Father». (Попутно заметим, что именно эта, последняя ипостась Бога легла в основу и других трогательных строк, ставящих во главу угла не возвышенность и таинственность Бога, а его близость и любовь к людям, например: «I hope the Father in the skies // Will lift his little girl →»). Даже обвинив Бога в грабеже, Э. Дикинсон не перестает считать его Отцом.

При обращении к Богу за помощью или с вопросами голос лирической героини зачастую звучит «снизу» и выражает порой кажущуюся несколько наигранной неосведомленность. Представляется, что воспитанной необычайно строгим отцом поэтессе была необходима такая «father figure», пусть и в лице Бога, к которой можно было бы обратиться с подобными, по-детски непосредственными расспросами. Быть может, ирония Э. Дикинсон – это отчасти самоирония, критика собственного *недоверия* (то есть недостаточного доверия Богу и безусловной веры в Него).

Подводя итог, заметим, что интересна мысль С. Рабинович о том, что, если бы у Э. Дикинсон были последователи-«апостолы», ее поэзия могла бы сама по себе стать религией – «здесь была бы и вера, и нравственные нормы, да и мифология, как часть религии»¹⁵. Действительно, симбиоз, казалось бы, полностью противоречащих друг другу систем – пуританизма и трансцендентализма – в сочетании с необыкновенным творческим гением поэтессы, породил поистине уникальные мировоззренческие принципы. Предвосхищая многое из того, что казалось ее современникам невозможным, Э. Дикинсон, вероятно, чувствовала, что устои кальвинистского общества, пока еще казавшиеся нерушимыми, начинают – хотя и едва заметно – колебаться. Вот почему постоянные спутники религиозных исканий Э. Дикинсон – сомнения и неуверенность.

Тем не менее, поэтесса ставит под сомнение не только насаждаемые извне правила и законы, но и собственную правоту. Вот почему позицию Э. Дикинсон, на наш взгляд, нельзя назвать деструктивной: она ничего не принимает на веру, но и ничто не отрицается ею однозначно и окончательно.

Глава 3. Темы смерти и бессмертия в стихотворениях Эмили Дикинсон

«The Flood subject» – так в письме Т. У. Хиггинсону Эмили Дикинсон назвала тему бессмертия (L 319). Действительно, вопрос о том, что есть смерть и что происходит с душой человека, покинувшего этот мир, занимал поэтессу на протяжении всего ее творческого пути. Не случайно в одном из

¹⁵ Рабинович С. Моя Дикинсон / С. Рабинович // Дикинсон Э. Стихотворения ; Пер. с англ. С. Рабинович. – Екатеринбург : Лавка, 1997. – С. 14.

стихотворений (539) она пишет о «науке смерти» («the Science of the Grave»), а многие ее произведения словно являют собой попытки доказать или опровергнуть аксиомы и теоремы этой науки.

Интересно, что слова «dead» и «death» встречаются в стихах Э. Дикинсон в совокупности более 200 раз, и более 50 раз – слова «immortal» и «immortality» (и это при том, что она далеко не всегда говорила о них прямо). По подсчетам исследователей, примерно треть всех стихотворений поэтессы посвящены теме смерти. Однажды поэтесса написала обо всем бытии как о «жизни умирания» («Dying – Lifetime –») (682), причем употребление здесь двух знаков тире в сочетании с повторяющимся в обоих словах дифтонгом [ai] сильно замедляет ритм строки, акцентируя граничащую с бесконечностью медленность умирания). Ш. Лейтер даже видит цель всего поэтического творчества Э. Дикинсон в том, чтобы «проникнуть, насколько это возможно, в непостижимые области смерти как процесса и состояния»¹⁶.

3.1 «The Flood subject»: причины интереса Э. Дикинсон к феномену смерти

Интерес к вопросам смерти и бессмертия во многом стал следствием весомого воздействия на философию Э. Дикинсон мировоззренческих принципов пуританизма, являвшегося неотъемлемым элементом культуры Новой Англии, где жила поэтесса. Пуританам, как известно, был свойствен как индивидуальный, так и всеобщий страх перед смертью, хотя, с другой стороны, они придерживались и традиционно-христианского видения смерти как избавления и освобождения души от оков земного существования.

Эти позиции, вероятно, отчасти нашли свое отражение в философской лирике Э. Дикинсон, которая высоко оценивает опыт, извлекаемый человеком из столкновения с феноменом смерти. Ее «deathbed poems» необычайно многочисленны и демонстрируют заинтересованное наблюдение за малейшими деталями. Очевидно, поэтесса действительно верит, что смерть может открыть человеку тайны мироздания.

В целом, можно сказать, что в творчестве Э. Дикинсон прослеживается парадоксальное сочетание и даже, в некоторой степени, взаимопроникновение традиционных и новых позиций, различных настроений и взглядов на окончание жизни и дальнейшие перспективы человеческого бытия. Возможно, это связано с тем, что поглощенность поэтессы темой смерти и вопросом о существовании бессмертия была вызвана, кроме влияния философско-религиозных концепций эпохи, рядом более частных событий и факторов.

Во-первых, окна поэтессы в доме, где она провела пятнадцать лет своей жизни, выходили на кладбище, и она, по свидетельствам биографов, нередко наблюдала за многочисленными похоронными процессиями. Это, возможно, создавало у Э. Дикинсон ощущение некоей избранной приближенности к миру мертвых. Кроме того, жизнь самой поэтессы также была полна трагических событий: смерти ее родных и друзей происходили столь часто, что без них

¹⁶ Leiter Sh. Critical companion to Emily Dickinson: a literary reference to her life and work / Sh. Leiter. – N.Y. : Facts on File, Inc., 2007. – P. 213.

порой не проходило и года. Э. Дикинсон тяжело переживала смерть своих родителей, особенно отца (она не смогла пойти на похороны и мемориальную службу, и даже спустя два года писала кузинам Норкросс: «Отец снится мне каждую ночь, и сны всегда разные; днем я забываю о делах, думая о том, где он» (L 471)). В жизни Э. Дикинсон было еще много смертей – друзей, родственников, маленького племянника (от гибели последнего, по свидетельствам исследователей, поэтесса так и не смогла до конца оправиться). Все эти потери не могли не наложить отпечатка на мировосприятие поэтессы. Потому стихи, посвященные смерти близких Э. Дикинсон, многочисленны и наполнены чувством горечи и сожаления.

Немаловажно также и влияние на мировоззрение Э. Дикинсон современной ей исторической эпохи. Хотя традиционно ее «обвиняют» в безразличии к происходящим в стране событиям (что, впрочем, было бы неудивительно для поэтессы-затворницы), нам представляется, что Гражданская война 1861–1865 гг. не прошла для нее бесследно. Нельзя не согласиться со словами М. Г. Костицыной о том, что «несмотря на свою добровольную изоляцию, Дикинсон чувствовала драматизм эпохи»¹⁷. Хотя в ее творчестве вряд ли удастся отыскать стихотворения, проникнутые патриотическим духом, или открыто высказывающие поддержку Севера или Юга, или даже восславляющие героев, Э. Дикинсон скорее связывала войну не с политикой, а со смертью, болью, несправедливостью. «It feels a shame to be Alive – // When Men so brave – are dead –», – пишет она (444). Очевидно, поэтесса считает людские жертвы слишком высокой ценой за достижение каких бы то ни было целей. Кроме того, в этом же стихотворении поэтесса говорит о невероятной ценности каждой утраченной жизни, используя яркий и шокирующий своей несправедливостью образ крупной жемчужины, брошенной в огромный, страшный котел войны.

Все вышеприведенные факторы, думается, в той или иной степени наложили отпечаток на философию Э. Дикинсон и сыграли определенную роль в ее сосредоточенности на вопросах смерти и бессмертия.

3.2 'Tis so appalling – it exhilarates: пугающая таинственность смерти

Так как изначальные причины интереса поэтессы к теме смерти связаны с личными или всеобщими трагедиями, неудивительно, что в ее стихотворениях о смерти часто преобладает чувство страха. Иногда этот страх выражается прямо и открыто. В других стихотворениях боязнь не выражена прямо, но избираемые поэтессой образы настолько пугают, что в ее отношении к смерти тоже не остается никаких сомнений.

Как и все неизвестное, феномен смерти одновременно и страшит, и манит, заставляя снова и снова искать ключи к разгадке тайн Вселенной. Кроме того, поэтесса осознает, что страшна не сама смерть, а ожидание неизбежного и напряженное неведение. Ее постоянно терзают сомнения

---

¹⁷ Костицына М. Г. Мир поэтической личности Эмили Дикинсон (поэзия и эпистолярни): дисс... к.филол.и. / М. Г. Костицына. – Казань, 2004. – С. 29.

касательно того, что ждет человека «за гранью», и такая неизвестность для нее – страшнее перехода за эту грань.

Но перспектива смерти далеко не всегда ужасает Э. Дикинсон. «Смерть – словно Пчела», – будто убеждая саму себя, писала она в письме Сьюзан Дикинсон, – «безвредна, если не пытаться от нее убежать» (L 294).

3.3 Смерть-проводник, Смерть-демократ, Смерть-элитист

Отношение к Смерти как к проводнику, переносящему души умерших в мир иной, для Э. Дикинсон достаточно традиционно. Смерть видится как галантный кавалер, сопровождающий лирическую героиню в мир иной. В этом образе нет ничего откровенно угрожающего или пугающего; наоборот – поэтесса всячески подчеркивает благожелательность и любезность Смерти. Избираемый поэтессой тон спокоен, нет практически никаких обвинений в несправедливости, признаков страха или озлобленности. Создается впечатление, что смерть и вправду – лишь поездка.

Поэтесса осознает, что смерть неминуема и это – один из законов бытия. Ее излюбленная метафора – Смерть-демократ, «уровнитель», нивелирующий внешние различия и одинаково «расположенный» к богатым и бедным, молодым и старым. Как видно, в глазах Э. Дикинсон не имеет никакого значения, как именно умер человек – героем на войне или стариком от болезни; все внешние обстоятельства она считает наносными и маловажными, ведь смерть едина для всех. Экстерьер – это мишура Времени; так как Смерть выше Времени, то для нее не имеет значения ничто из того, что люди часто считают столь важным при жизни.

Совершенно естественно и непринужденно, Э. Дикинсон сочетает – и не просто в своем творчестве, а зачастую всего в одном стихотворении! – две на первый взгляд противоположные «ипостаси»: смерть-демократ и смерть-элитист. Во многих стихотворениях, прямо указывающих на демократичность смерти, есть также признаки восприятия ее как способа обрести величие. Таково, например, одно из ранних лирических произведений «Wait till the Majesty of Death» (171), в самой первой строке которого содержится фраза «Ее Величество Смерть», резко контрастирующая с дальнейшим «this Democrat».

3.4 Смерть человека и увядание природы. Естественность смерти.

Зачастую неизбежный конец жизни является для поэтессы свидетельством необратимого и непостижимого хода природы, вследствие чего в ряде ее произведений можно проследить связь образов смерти и увядания в природе. Процесс духовного роста сравнивается с созреванием плода на дереве, а смерть видится поэтессе как сбор фруктов Создателем. Она будто слышит, как «созревшие» души «падают», но этот звук не вызывает у нее страха – возможно, ввиду того, что она видит Бога, стоящего на лестнице и занятого сбором «урожая».

Но если сам процесс умирания в природе и у людей схож, распространяется ли это сходство и на то, что ожидает нас после смерти? Однозначного ответа на этот вопрос поэтесса не дает. Она часто контрастирует молчаливое безразличие умерших с бурным течением времени,

для которого характерно лишь временное, «зимнее» умирание. Те, кто находится за гранью этого мира, как бы существуют независимо от происходящих в жизни остальных людей перемен; они веками лежат под солнцем, не обращая на него никакого внимания.

Равнозначна ли смерть человека и смерть в природе? Ведь последняя, погибая, возрождается снова и снова, каждой весной. Увы, перспективы людей в этом отношении не столь радужны, и об однозначном сходстве речи не идет. В своих стихах поэтесса порой высказывает мысль о том, что, умирая каждый год, ничто в Природе не умирает по-настоящему. Каждый год листья вырастают на деревьях, цветы распускаются на полях, к ним возвращаются пчелы. Это не возрождение, а лишь *обновление*. Тем не менее, природе в некотором роде знакома смерть, и это не может не сближать ее с человеком.

В своих стихах Э. Дикинсон нередко воображает свою смерть и пишет о том, что будет происходить в мире после ее ухода, причем поэтесса, как выяснилось, не верит в абсолютное небытие. Смерть может ассоциироваться с вынужденным бездействием, но она не предполагает полного прекращения существования. В стихотворениях Э. Дикинсон умершие (в том числе и ее собственная лирическая героиня) не перестают мыслить, а значит (если следовать логике Декарта) – существовать. Показательно также, что, несмотря на некоторый фатализм в восприятии смерти как неотвратимого завершения человеческого бытия, Э. Дикинсон порой выражает надежду на то, что она не будет предана забвению. Такие мысли характерны даже для раннего творчества совсем еще молодой поэтессы. Биографы приписывают Э. Дикинсон такие слова: «Я боюсь смерти; о мертвых скоро забывают. Но когда я умру, им придется запомнить меня»¹⁸. Так и произошло; смерть принесла поэтессе то, чего не смогла подарить жизнь – мировую известность и всеобщее признание.

3.5 Смерть как избавление

Нужно заметить, что в стихотворениях Э. Дикинсон смерть далеко не всегда рассматривалась как лишение всех благ. Порой наоборот, поэтесса говорила о ней как о спасении от несправедливости земной жизни. Смерть предстает перед нами антиподом безразличного Бога, защитником несчастных, – идея абсолютно нетрадиционная и бунтарская для современников, но привлекательная для Э. Дикинсон.

Смерть также нередко выступает в шокирующей роли гаранта правды, ибо только в ее свете порой можно отличить истинное от ложного, естественное от наносного. Подобным же свойством обладают душевные муки. Они обогащают человека; Э. Дикинсон кажется, что только страдающий человек безыскусен и искренен.

Конечно, для потерявшей многих близких людей Э. Дикинсон смерть – это также возможность воссоединиться с ушедшими близкими. В позднем

¹⁸ Цит. по: Farr J. The passion of Emily Dickinson / J. Farr. – Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 1992. – P. 373.

стихотворении «So give me back to Death» (1632) лирическая героиня заявляет, что единственное, что внушало ей страх смерти, была потеря любимого человека: «The Death I never feared // Except that it deprived of thee». Ради того, чтобы снова увидеть возлюбленного, она готова даже добровольно отказаться от земной жизни.

3.6 Бессмертие: надежда и сомнение

Толкование темы бессмертия в лирике Э. Дикинсон столь же неоднозначно: даже в рамках одного стихотворения позиция поэтессы может меняться. Порой создается впечатление, что вера и неверие в ее сознании ведут борьбу за правоту.

Многие стихотворения Э. Дикинсон проникнуты оптимистичной надеждой на вечную жизнь. Возможно, надежда на бессмертие души служила утешением Э. Дикинсон, часто терявшей родных и друзей. В одном из стихотворений она, кажется, убеждает читателя в том, что даже «сомневающийся Бог» не мог бы дать людям столь прекрасную жизнь, чтобы потом смерть стала абсолютным ее финалом, не оставляя никаких шансов на продолжение.

Однако нередко настроения поэтессы гораздо более пессимистичны, и она, кажется, уверена в том, что после земной жизни нас ожидает лишь темная пустота, будто пугающий своей бездонностью колодец. Несомненно, Э. Дикинсон была права, утверждая, что «The Worthiness of Death // Is ascertained by tasting →» («Ценность Смерти // Узнаешь, попробовав», 799). Тем не менее, нужно заметить, что стихотворения, указывающие на абсолютное неверие поэтессы в воскрешение и вечную жизнь сравнительно редки, что позволяет нам говорить о преобладании в ее творчестве оптимистичного взгляда на перспективы человеческого бытия. И, конечно, Э. Дикинсон верила в великую силу истинного чувства, способного победить все, включая смерть:

I have no Life but this –
To lead it here –
Nor any Death – but lest
Dispelled from there –

Нет Жизни, кроме той,
Что мне дана –
Нет Смерти, кроме той,
Что не страшна –

Nor tie to Earths to come –
Nor Action new –
Except through this extent –
The Realm of you – (1398)

Не связана ничем
С Землею я –
Удерживает лишь
Любовь твоя.
(Перевод А. Гаврилова)

В *Заключении* подводятся итоги исследования.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Боровкова Т. Ю. Религиозные искания в поэзии Эмили Дикинсон / Т. Ю. Боровкова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Филология и искусствоведение. – 2011. – № 1(2). – С. 175-179.

2. Боровкова Т. Ю. Тема смерти в стихотворениях Эмили Дикинсон / Т. Ю. Боровкова // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2011. – № 4. – С. 98-102.

3. Боровкова Т. Ю. Особенности общения в поэзии и жизни Эмили Дикинсон / Т. Ю. Боровкова // Культура общения и её формирование: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 21 / Под ред. И. А. Стернина. – Воронеж: изд-во «Истоки», 2009. – С. 175-177.

4. Боровкова Т. Ю. Тема природы в лирике Эмили Дикинсон и идеи трансцендентализма (к вопросу о литературно-философском влиянии) / Т. Ю. Боровкова // Гуманитарные исследования в Сибири и на Дальнем Востоке. – 2009. – № 3. – С. 28-32.

5. Боровкова Т. Ю. Пейзажные зарисовки в поэзии Э. Дикинсон (к вопросу о связи живописи и поэзии) / Т. Ю. Боровкова // XXI Пуришевские чтения: Взаимодействие литературы с другими видами искусства: Сб. науч. статей и материалов. – М.: МПГУ, 2009. – С. 52.

6. Боровкова Т. Ю. «Эпистолярная публикация» и жанр letter-poem в творчестве Эмили Дикинсон / Т. Ю. Боровкова // Труды молодых учёных. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2010. – №№1-2. – С. 88-90.

7. Боровкова Т. Ю. Жанр letter-poem в творчестве Э. Дикинсон / Т. Ю. Боровкова // XXII Пуришевские чтения: История идей в истории жанров: Сб. науч. статей и материалов. – М.: МПГУ, 2010. – С. 265–266.

8. Боровкова Т. Ю. Лирика Э. Дикинсон и философия природы трансцендентализма / Т. Ю. Боровкова // XXIII Пуришевские чтения: Зарубежная литература XIX века. Актуальные проблемы изучения: Сб. науч. статей и материалов. – М.: МПГУ, 2011. – С. 22–23.

Работы №1, №2 опубликованы в изданиях, рецензируемых ВАК.

16²

Подписано в печать 23.01.12. Формат 60·84^{1/16}. Усл. печ. л. 1,4.
Тираж 100 экз. Заказ 57.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии Издательско-полиграфического центра
Воронежского государственного университета.
394000, Воронеж, ул. Пушкинская, 3